

gion. It has been established that the studied region contains northern and northeastern provinces of the famous cultures of the early and middle Neolithic of Eastern Europe: Verkhnevolzhskaya, Kamskaya, Lyalovskaya and Kargopolskaya. In addition, fragments of some cultures were identified. Their initial areas of formation are not yet reliably determined. They are represented by early Neolithic sites such as Dutovo 1, Chernoborskaya III, Enty IA and Chyornaya Vadya. Some types of pottery without a specific context document the presence of population groups in northeastern Europe whose status has not been defined yet. The authors suggest that the formation of Neolithic cultures in the region is associated with the search for undeveloped feeding areas, their development and short-term exploitation by small groups of people commensurate with elementary or unified families. Until the Eneolithic in the greater territory of northeastern Europe the conditions for long-term residence of the Neolithic population were absent as well as the formation of local traditions.

Keywords: archaeology; Neolithic; northeastern Europe; paleogeography; archaeological culture; archaeological data; archaeological context; archaeological reconnaissance; archaeological excavations; migrations; stone implements; pottery; site; settlement; multi-layered site; subterranean dwelling; concentration zone; fireplace.

УДК 902

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12212

Статья поступила в редакцию 20.12.2018

МОРСКАЯ ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО НА ПОБЕРЕЖЬЕ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ ДО РУБЕЖА ЭР

© 2019

Киселева Алевтина Михайловна, магистрант кафедры археологии**Мурашкин Антон Игоревич**, старший преподаватель кафедры археологии*Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

Аннотация. Археологические свидетельства морского промысла на побережье Баренцева моря датируются временем примерно от 5000 cal BC до рубежа эр, что охватывает эпохи неолита, раннего металла и раннего железного века. К специализированным орудиям морской охоты и рыболовства относятся костяные и роговые наконечники гарпунов, рыболовные крючки и наконечники острог. На основе анализа совстречаемости типов орудий в замкнутых и полужамкнутых комплексах (жилища, раковинные кучи, погребения) было выделено четыре периода развития костяного инвентаря. С опорой на радиоуглеродные датировки установлены следующие хронологические границы периодов: А – 5000–2500 cal BC, В – 2500–1600 cal BC, С – 1500–1100 cal BC, D – 900 cal BC–0 cal BC/AD. Основными промысловыми животными были тюлени и китообразные. Охота на них дополнялась ловлей атлантической трески и тресковых. Процентное соотношение костей животных в датированных комплексах показывает, что с 2500 cal BC в хозяйстве заметно возрастает роль охоты на тюленей и на китообразных. Это совпадает с появлением в промысловом инвентаре поворотных гарпунов. В раннем железном веке (после 900 cal BC) роль морского промысла также остается высокой; на прибрежных памятниках переориентация хозяйства на наземные ресурсы по археологическим данным не прослеживается.

Ключевые слова: Северная Фенноскандия; Кольский полуостров; Северная Норвегия; неолит; эпоха раннего металла; ранний железный век; периодизация; хронология; морская охота; рыболовство; костяной инвентарь; рыболовные крючки; наконечники гарпунов; остроги; фаунистический анализ; охотничья добыча; ластроногие; китообразные; рыба.

Введение

Морской промысел является одним из самых стабильных видов экономики присваивающего типа [1, с. 1–9; 2, с. 34–84, 165–191; 3]. В эпоху неолита на побережье Баренцева моря (северные провинции Норвегии и Мурманская область РФ) сформировалась единая культура охотников на морского зверя. На протяжении периода раннего металла и раннего железного века в культуре (прежде всего материальной) прибрежного населения происходят многочисленные изменения, но ее экономической основой на протяжении тысячелетий остается рыболовство и морская охота. Основными источниками, позволяющими охарактеризовать хозяйство древнего населения от каменного до раннего железного века (5000 cal BC–BC/AD), являются фаунистические остатки и специализированные промысловые орудия из кости и рога.

Поскольку русскоязычная аудитория не знакома с периодизационными схемами, распространенными в Северной Фенноскандии, необходимо сделать небольшое отступление. Наиболее подробная и обоснованная периодизация в регионе создана для территории Финнмарка [4, р. 14]. Согласно ей, период позднего каменного века (сопоставим с периодом неолита в российской литературе) датируется 5000–1800 cal BC. Период раннего металла делится на две фазы – текстильной керамики (1800–900 cal BC) и щельмой (900 cal BC–BC/AD). В последнюю фазу появляются первые железные орудия, что позволяет сопоставлять ее с ранним железным веком для Северо-Запада России.

Первые памятники с остатками фауны и разнообразными костяными и роговыми изделиями в Северо-Восточной Норвегии – поселения раннего железного века Местешан и Маккола на острове Щельмой – были исследованы и опубликованы еще в начале 20 века. [5; 6]. К середине двадцатого столетия свидетельства специализированного морского промысла, происходящие из жилищ, раковинных куч, погребений неолита – раннего железного века, становятся все более многочисленными. В 1940-е годы Г. Йессинг создал первую классификацию каменного

и костяного инвентаря, в том числе и орудий морского промысла, которая была использована при публикации обширных материалов из раскопок 1950–1960-х годов [7, р. 197–253; 8; 9]. Во второй половине 20 века в результате активных полевых исследований на территории Северной Норвегии и в Мурманской области были получены многочисленные коллекции фауны и орудий из кости и рога. В норвежской археологии наибольшее внимание уделялось анализу остеологических коллекций, на основании которых Х. Ульсен, П. Ренуф и Л. Ходгеттс была выявлена сезонность поселений, предложены реконструкции хозяйства и социальной организации населения неолита и эпохи раннего металла. При этом характеристике и анализу промыслового инвентаря уделялось минимальное внимание [1; 10; 11]. В последние десятилетия в Северной Норвегии продолжают интенсивные полевые исследования, чаще всего спасательные. Многие отчеты о раскопках в Северной Норвегии размещены в свободном доступе на веб-странице Музея Университета Тромсё: https://uit.no/tmu/art?p_document_id=408153 и https://uit.no/tmu/art?p_document_id=389803. Есть примеры повторных раскопок эталонных памятников. Однако существенного пополнения коллекций фаунистическими материалами и орудиями из кости и рога не происходит (см., например: [12; 13]).

На Кольском полуострове количество исследованных памятников с остатками фауны, костяным и роговым инвентарем было существенно меньше. Но в работах, посвященных изучению хозяйства древнего населения, в первую очередь рассматривались орудия. Первая типологическая схема костяного и рогового инвентаря памятников Кольского полуострова была предложена В.Я. Шумкиным [14]. Несколько позже Н.Н. Гуриной была составлена классификация орудий морской охоты и рыболовства [15]. Коллекции фаунистических остатков к концу 1980-х годов были получены лишь на нескольких памятниках (Екатерининские стоянки, Маяк 2). Однако, несмотря на участие в полевых и камеральных работах палеозоологов (В.Е. Гаррут, И.М. Громов, Н.М. Ермолова, А.А. Антонок), остеологический анализ был ограничен лишь видовым определением костей животных. Публикация свелась к перечням видов и таблицам поквadrатного распределения количества костей животных на поселении Маяк 2 [16, с. 380; 17, с. 100–104]. С конца 1990-х гг. под руководством В.Я. Шумкина на территории Кольского полуострова ведутся активные полевые исследования. В результате раскопок нескольких жилищ и погребений эпохи неолита и раннего металла были получены коллекции, включающие многочисленные фаунистические остатки, костяные и роговые артефакты [18; 19]. Проведение полевых работ и анализ материалов на современном методическом уровне позволяют в полной мере сопоставлять эти данные с результатами работ норвежских исследователей.

В статье представлены результаты изучения специализированного инвентаря для рыбной ловли и морской охоты, найденного на памятниках эпох неолита, раннего металла и раннего железного века на побережье Баренцева моря. Дана характеристика основных категорий орудий, показано их развитие на фоне изменений в составе охотничьей добычи. Для анализа привлечены все костяные и роговые изделия,

известные по публикациям или доступные в музейных коллекциях гг. Санкт-Петербурга, Мурманска, Полярного, Тромсё. Для характеристики охотничьей добычи использованы все опубликованные результаты остеологических анализов и доступные нам описи фауны из полевых отчетов и архивных источников.

Источники

Остеологические коллекции и орудия из кости и рога рассматриваемого периода происходят из памятников, расположенных на южном побережье Баренцева моря от Туфьорда до Нокуевского залива. Основная часть коллекций получена при раскопках прибрежных или островных поселений и стоянок, где изделия из органических материалов сохраняются преимущественно в раковинных кучах или в культурном слое, который залегал в ракушечном песке. В некоторых случаях сохранность кости объясняется насыщенностью культурного слоя органикой в результате деятельности человека. Небольшая доля находок промысловых орудий происходит из Кольского Оленеостровского могильника (*далее – КОМ*), где погребения также находились в слое ракушечного песка.

В работе рассмотрены материалы 22 памятников. Для анализа фауны привлечены данные из 27 объектов, раскопанных на 13 памятниках; для анализа промыслового инвентаря – данные из 39 объектов, раскопанных на 17 памятниках. Отметим, что в некоторых объектах были обнаружены только фаунистические остатки, в ряде других – только промысловые орудия.

Древнейшие свидетельства рыболовства на Баренцевоморском побережье относятся к раннему неолиту. Это костяные рыболовные крючки и кости животных на датированном 5300–4300 cal BC памятнике Усадьба Луссуа (в некоторых наших предыдущих публикациях этот памятник именовался «Жилище Луссуа», что не соответствует смыслу устоявшегося норвежского названия. Здесь имеется в виду именно усадьба конкретного человека) [20]. Большинство неолитических памятников, рассматриваемых в работе, относится к более позднему времени – 4200–2500 cal BC. Среди них Ниельв Недре Вест, Адвик (жилище f), Гропбакенген, Карлеботнбакен, Шовика, Иверсфьорд и др. [1; 21; 22, с. 26–28; 23]. На этих поселениях орудия из кости и фаунистические остатки обычно сохраняются в раковинных кучах, которые представляют собой скопления створок раковин, пищевых отходов, обожженных камней, угля. В эпоху позднего каменного века они могли располагаться как в непосредственной близости от жилищ, так и отдельно, а их мощность редко превышала 40 см. Вероятно, подобные объекты были раскопаны на поселении Маяк 2 на Кольском полуострове. Часть радиоуглеродных датировок, типы керамики и других артефактов указывают на функционирование поселения в неолитическую эпоху [17, с. 56–67]. Однако анализ материалов поселения Маяк 2 вместе с другими комплексами в настоящий момент невозможен. В процессе раскопок памятника объекты не были выделены, коллекция, включающая разновременные находки, опубликована единым массивом, без привязки артефактов и фаунистических остатков ни к комплексам, ни к слоям или квадратам.

Самые многочисленные коллекции орудий и фауны относятся к концу неолита – началу эпохи раннего металла (2500–1600 cal BC) и происходят из объектов, относящихся к фазе (культуре) гресбакен

(Гресбакен Недре Вест, Адвик (жилища b, j), Бергеби, Завалишина 5, Усть-Дроздовка 3, Харловка 1–6, Хойбукт и др.) [1, р. 63–110; 8, р. 213–242, 271–371; 9, р. 219–226; 18; 24, р. 43–57; 25]. В этот период фаунистические остатки и орудия из кости также преимущественно сохраняются в раковинных кучах, мощность которых может достигать 80 см. Эти скопления во всех случаях расположены непосредственно около жилищ, формируя обширные валики по обеим сторонам от входа. Несколько десятков костяных и роговых орудий, относящихся к этому времени, найдены на памятнике Маяк 2.

После исчезновения жилищ типа гресбакен и до раннего железного века (1600–900 calBC) не известно находок из органических материалов в комплексах, расположенных на поселениях. Единственным памятником, который позволяет охарактеризовать промысловые орудия, является могильник на Большом Оленьем острове в Кольском заливе. Погребения датируются в интервале 1500–1100 calBC. Судя по типологии изделий, небольшое количество промысловых орудий этой эпохи найдено на поселении Маяк 2. Фаунистические материалы этого периода имеются в коллекции КОМ, но они не репрезентативны, поскольку их депонирование объясняется погребальной обрядностью и не отражает напрямую хозяйственную деятельность [19].

Охарактеризовать морской промысел эпохи раннего железного века (900 calBC – BC/AD) возможно на основе нескольких островных стоянок и поселений. Самая большая коллекция артефактов происходит с острова Щельмой, где исследовано две стоянки – Местешан и Маккола [5; 6]. Артефакты обычно публикуются без разделения по двум памятникам, для многих из них не известно точное место находки. Культурные слои стоянок достигали мощности 1 м; объекты в ходе раскопок не выявлены. Судя по радиоуглеродным датировкам, оба памятника существовали в период 900–0 calBC [26], что по норвежской периодизации соответствует фазе щельмой эпохи раннего металла [4, р. 106–108]. Коллекция костяных орудий стоянок очень велика, при этом весь материал однороден по своему облику, что может свидетельствовать о непродолжительности функционирования памятников. Несколько идентичных костяных орудий найдено на стоянке Екатерининская 1, которая на основании находок фрагментов керамики типа щельмой датируется 1 тыс. до н.э. [16, с. 379–385]. Фаунистические коллекции этого периода были получены на памятниках Местешан, Маккола, Екатерининская 1 и 2, Финнес [5; 16; 27; 28]. Коллекции для памятников о. Щельмой (Мастешан и Маккола) получены в 1908, 1951, 1960, 1982 годах. Данные 1908 года практически не поддаются статистической обработке, так как в публикации О. Сольберга для многих видов животных количество определено только как «много» или «мало» [5, с. 19–27]. Материалы из шурфов 1951, 1960 и 1982 гг. на обоих поселениях количественно невелики; наиболее представительны данные со стоянки Местешан [29, с. 142–153]. В публикации Н.Н. Гуриной данные о фаунистических остатках на стоянке Екатерининская 1 приведены в непригодном для статистической обработки виде, поэтому в нашей работе используются только данные по стоянке Екатерининская 2 [16, с. 380]. Самая многочисленная коллекция получена в результате раскопок на памятнике Финнес [27; 28].

Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27)

Подводя итог обзору источников, необходимо отметить неравномерность распределения коллекций по периодам, территории и типам памятников. Большая часть находок происходит с территории Норвегии, что отражает общее состояние археологической исследованности региона. Именно на территории Норвегии изучено большинство полузамкнутых комплексов (жилищ и раковинных куч), содержащих костяной инвентарь эпохи неолита и начала раннего металла. Костяные изделия конца эпохи раннего металла чрезвычайно немногочисленны и, по большому счету, происходят из одного погребального памятника на Кольском полуострове. Коллекции артефактов раннего железного века наиболее многочисленны, но происходят с нескольких нестратифицированных памятников; замкнутых или полузамкнутых комплексов этого времени не известно.

Подробный анализ фаунистических остатков возможен только для периодов неолита и начала эпохи раннего металла. В памятниках конца эпохи раннего металла фаунистические остатки или отсутствуют, или не отражают напрямую хозяйственную деятельность. Для периода раннего железного века пригодные для статистического анализа данные о костных остатках немногочисленны и происходят из шурфов или небольших раскопок.

Инвентарь

К специализированному охотничьему и рыболовному инвентарю относятся наконечники гарпунов (153 экз.), острог (101 экз.) и рыболовные крючки (355 экз.). Наконечники гарпунов представлены поворотными (19 экз.) и зубчатыми (134 экз.); рыболовные крючки делятся на цельные (316 экз.) и составные (39 экз.).

На основании устойчивой совстречаемости типов цельных рыболовных крючков и зубчатых наконечников гарпунов в объектах было выделено четыре периода (А, В, С, D) в развитии костяной индустрии Северной Фенноскандии [30]. Периоды А и В выделены по материалам полузамкнутых комплексов (жилища, раковинные кучи), а период С – на основании совстречаемости типов в погребениях. Последний период выделен по материалам поселений на о. Щельмой и стоянке Екатерининская 1. Правомочность выделения группы D объясняется тем, что составляющие ее типы представлены большим количеством стандартизированных изделий именно на указанных памятниках и отсутствуют на других.

Хронологические границы периодов установлены на основании 40 радиоуглеродных дат. Период А почти полностью совпадает с эпохой неолита, В – со временем существования фазы гресбакен (конец неолита – начало эпохи раннего металла). Период С выделен на основании только КОМ и соответственно совпадает с его датировками. Период D совпадает с фазой щельмой. Отметим, что ни один из комплексов не имеет валидных датировок, попадающих в отрезки времени 1600–1500 calBC и 1100–900 calBC, поэтому нижняя и верхняя границы периода С не совпадают с границами соседних периодов.

Границы периодов, выделенных по двум ведущим категориям костяного инвентаря, в целом совпадают с изменениями других компонентов материальной культуры древнего населения региона (керамика, типы жилищ). Наблюдается определенная эволюция остальных категорий промыслового инвентаря из кости и рога, но из-за простоты конструкции

или малого количества находок они не столь «чувствительны» для построения дробной периодизации. Изменения типов острог, поворотных наконечников гарпунов и составных крючков совпадают с изменениями зубчатых наконечников гарпунов и цельных крючков (рис. 1).

Для охоты на морских млекопитающих использовались гарпуны. Выделяется 15 типов зубчатых наконечников гарпунов [30]. Изделия периода А имеют насад треугольной или округлой формы, у значительной части наконечников на насаде имеется круглое отверстие для линя. Орудия имеют один или несколько зубцов, расположенных с одной стороны. Исключение составляют несколько наконечников с поселения Маяк 2. По форме насада они схожи с остальными изделиями периода А, однако их зубцы располагаются с двух сторон наконечника, что характерно для следующего периода. Но отсутствие информации об условиях (контексте) их обнаружения, а также аналогий в замкнутых или датированных комплексах не позволяет определить их хронологическую привязку. Длина орудий – от 5,7 до 15,7 см, большинство орудий имеет длину не менее 10 см.

Все зубчатые наконечники периода В имеют насад прямоугольной формы, почти всегда с расширением или выступами в верхней части. Только один тип наконечников имеет два расположенных с одной стороны зубца. У всех остальных вырезан либо один зубец, либо два зубца, расположенных друг напротив друга на одной высоте. В целом наконечники больше варьируют по размерам (5–16,6 см), но при этом они менее массивны и чаще встречаются орудия длиной менее 10 см.

Часть наконечников периода С сохраняют прямоугольную форму насада, но при этом они имеют два зубца, расположенных с двух сторон на разной высоте. Появляются новые, не имеющие аналогий, наконечники гарпунов, у которых для крепления линя вырезался небольшой желоб на насаде. Они могут иметь один или два зубца, а их размеры составляют 6,5–9 см.

Наконечники гарпунов периода D имеют прямоугольный насад усложненной конструкции. У части наконечников четко обозначены выступы в верхней части насада и добавлены выступы на стержне, которые, вероятно, служили для лучшего закрепления линя. У наконечников второго типа в прямоугольном расширении с одной стороны стержня сделано отверстие для линя, а с противоположной стороны расположены два выступа. Размеры гарпунов варьируют в пределах 10–14 см. Все изделия имеют очень тщательную обработку, которая производилась, в том числе, с помощью металлических инструментов [31].

Поворотные наконечники гарпунов появляются только в период В. Данные орудия найдены в жилищах поселения Гресбакен НВ (жилища 3, 4, 11), которые датируются интервалом 2500–2000 cal BC. Поворотные наконечники имеют треугольную форму с отверстием для линя по центру (рис. 2: 1). Одна заготовка имеет открытое гнездо [8, fig. 155: f], а три завершённых орудия – закрытое. Все поворотные наконечники гарпунов из КОМ однотипны и имеют открытое гнездо (рис. 2: 2). В раннем железном веке встречаются наконечники как с закрытым, так и с открытым гнездом; у них отчетливо выделяются шипы и желобок для крепления (рис. 2: 3, 4).

Для ловли рыбы использовались рыболовные крючки и остроги. Цельные рыболовные крючки во всех периодах представлены двумя группами: с бо-

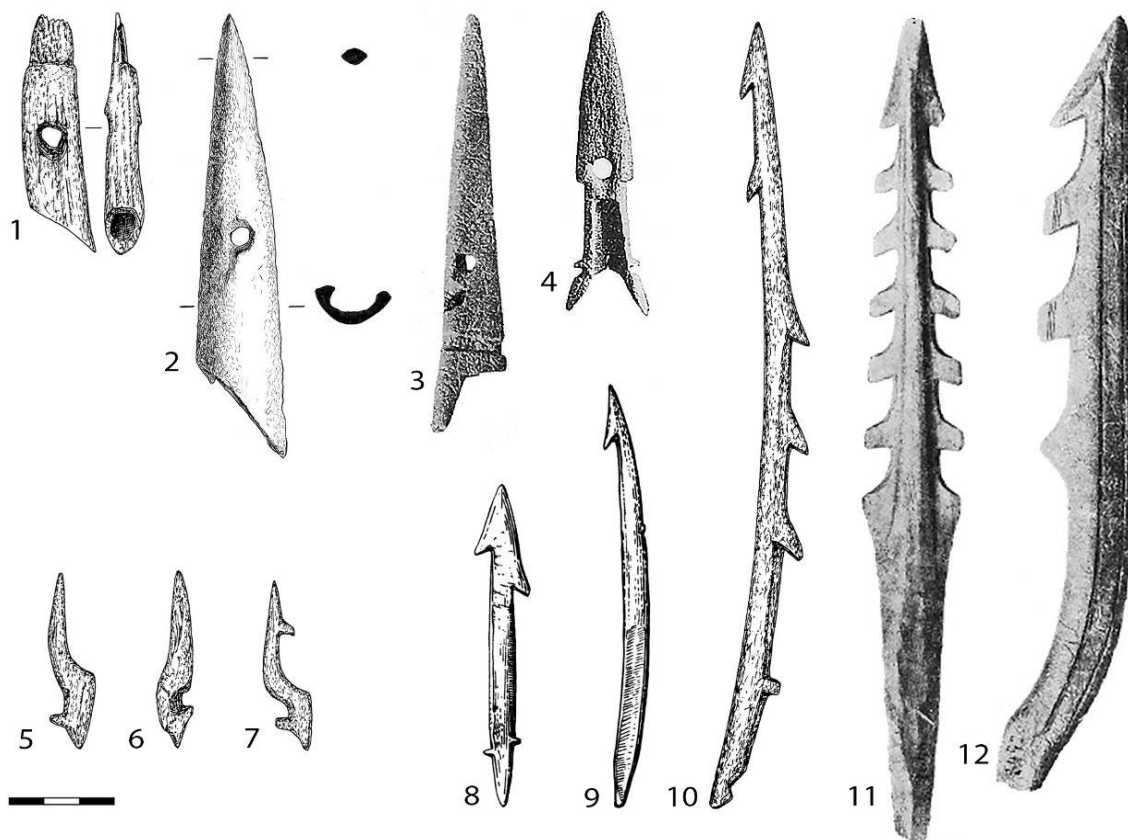
родкой (13 типов) и без бородки (5 типов) [30]. В периоды А и В подавляющее число крючков с бородкой имеет крепление в виде массивной головки с выступами на конце и со стороны цевья. Поддев может быть различной формы. Ранние орудия имеют округлый, прямоугольный со скругленными углами или V-образный поддев. В конце неолита (период В) все крючки с бородкой приобретают поддев U-образной формы. В период С одна часть крючков сохраняет прежнюю конструкцию для крепления, у другой появляется небольшой поперечный желобок на конце головки. Поддев рыболовных крючков периода С становится прямоугольной формы. Головки крючков с бородкой периода D имеют либо поперечный желобок, либо продольную прорезь и отверстие в центральной части. У всех изделий поддев прямоугольной формы с выступами и нарезками.

Крючки без бородки в целом имеют более вытянутые пропорции и меньшие размеры. Крепление оформлено очень просто и представляет собой выступы или насечки на цевье. Поддев у орудий неолита и начала эпохи раннего металла (периоды А и В) может быть округлой, прямоугольной или U-образной формы, в некоторых случаях с выемкой или выступом на поддеве. В погребениях КОМ подобных орудий не обнаружено. В период D они становятся многочисленными и чаще всего имеют отверстие или выемку на поддеве.

Составные рыболовные крючки представлены остриями (рис. 2: 5–7), которые, по всей видимости, прикреплялись к стержням из мягких пород камня, рога, кости (?). Острия могут быть с бородкой и без бородки. Самые ранние острия составных крючков обнаружены в памятниках Гресбакен НВ, Бергеби и Адвик (жилища b и j), относящихся к периоду В; в это время их доля составляет почти половину от всех рыболовных крючков. В КОМ, в погребениях PE-1–2 и 14 in situ зафиксированы рыболовные крючки, состоящие из рогового (?) или сланцевого стерженька и соединенных с ними роговыми остриями [32, с. 141, табл. III: 5; 19, fig. 5: 20]. Острия, найденные в могильнике, имеют форму прямого или слегка изогнутого заостренного с одного конца стержня; они не имеют зубца и специального желобка или выемки для крепления. Сложно сказать, насколько многочисленными были эти изделия в конце эпохи раннего металла. В период D составные рыболовные крючки не известны.

Характерный признак острог – неподвижное крепление наконечника к древку. При этом на одном древке могло крепиться несколько наконечников. Они имеют вытянутые пропорции, некоторые плавно изогнуты. Оформление насада может быть разнообразным; самый простой вариант – его уплощение косым срезом. В других случаях на насаде вырезались один или два небольших выступа. Орудия периода А довольно массивны и имеют до 5 зубцов (рис. 2: 10). Для периода В характерны наконечники меньших размеров, которые имеют не более двух зубцов (рис. 2: 8, 9). Среди погребального инвентаря в КОМ наконечников острог не найдено, поэтому охарактеризовать орудия периода С невозможно. В эпоху раннего железного века (период D) наконечники острог отчетливо разделяются на боковые и центральные и имеют большие размеры (9,5–24 см). При этом наконечники заметно различаются по количеству зубцов: некоторые их не имеют, а на одном из наконечников вырезано 12 зубцов (рис. 2: 11, 12).

BC	Период	Зубчатые наконечники гарпунов	Поворотные наконечники гарпунов	Рыболовные крючки I	Рыболовные крючки II	Рыболовные крючки III	Наконечники острог
0							
500	D					—	
1000							
1500	C				?	?	?
2000							
2500	B						
3000							
3500	A		—			—	
4000							
5000							

Рисунок 1 – Периодизация костяных и роговых промысловых орудий Северной Фенноскандии**Рисунок 2** – Костяные и роговые промысловые орудия Северной Фенноскандии.

1–4 – наконечники поворотных гарпунов; 5–7 – острия составных рыболовных крючков;
8–12 – наконечники острог. 1, 5, 7 – Гресбакен НВ; 2 – КОМ; 3, 4, 11, 12 – о. Щельмой; 6 – Бергеби;
8, 9 – Маяк 2; 10 – Карлеботн (по: [5, fig. 26, 27, 41, 43; 17, рис. 40: 28, 38])

Фаунистические остатки

Фаунистические остатки включают кости рыб, птиц, морских и сухопутных млекопитающих. Osteологические коллекции сопоставлялись по количеству определенных костных остатков (NISP – Number of Identified Specimens), так как подсчеты по данному показателю опубликованы для всех коллекций (рис. 3).

Отметим, что доля костей различных животных может сильно варьировать в силу разницы методики раскопок. До последней четверти 20 века культурный слой не просеивался, и это может существенно уменьшать долю костей рыб, птиц и мелких млекопитающих в коллекциях памятников [11, р. 96–102]. Однако при раскопках комплексов Гресбакен НВ 3, Ниельв НВ 4, Гропбакенген 4 просеивание не применялось, но количество костей рыб в них вполне сопоставимо с количеством костей из комплексов, раскопанных по современной методике.

Основным объектом морской охоты были млекопитающие из семейства тюленей (Phocidae). Среди фаунистических остатков доминируют кости гренландского тюленя (*Phoca groenlandica*), которые иногда составляют до 99% среди костей всех млекопитающих. В меньших количествах встречаются кости кольчатой нерпы (*Phoca hispida*), морского зайца (*Erignathus barbatus*), обыкновенного (*Phoca vitulina*) и серого (*Halichoerus grypus*) тюленей. Охота на гренландских тюленей и кольчатую нерпу преимущественно велась в весенний период во время их миграции с Белого моря. Все остальные виды немигрирующие и периодически появляются у побережья Баренцева моря [11, р. 108–112]. Также в некоторых жилищах встречаются кости моржей (*Odobenus rosmarus*) [11, р. 78; 18; 29, р. 151].

В ряде жилищ среди остеологических материалов значительную долю занимают кости китообразных (Cetacea). Основными видами среди них являются белуха (*Delphinapterus leucas*), беломордый дельфин (*Lagenorhynchus albirostris*), морская свинья (*Phocoena phocoena*) и атлантический белобокий дельфин (*Lagenorhynchus acutus*). Иногда встречаются кости касатки (*Orcinus orca*) и черного дельфина (*Globicephala*). Считается, что наличие большого количест-

ва костей китообразных на стоянках замерзающего зимой Варангерфьорда свидетельствует о функционировании поселения в летний период, когда млекопитающие доступны для охоты на открытой воде [18; 33].

Среди определенных костей рыб преобладают виды из семейства тресковых (Gadidae): атлантическая треска (*Gadus morhua*), сайда (*Pollachius virens*) и пикша (*Melanogrammus aeglefinus*). В меньшем количестве представлены морская щука (*Molva molva*), камбала (*Pleuronectes platessa*), менёк (*Brosme brosme*), лососевые (Salmonidae). За редким исключением на всех памятниках доминирует атлантическая треска; в таком случае количество ее костей составляет от 50% до 80%. На втором месте по численности – кости сайды и пикши, но их доля почти никогда не превышает 50%. Содержание костей всех остальных видов рыб редко превышает 10% [1, р. 138–211; 11, р. 50–89; 18; 25; 16, с. 380; 28; 29, р. 148].

Лов атлантической трески возможен круглогодично; но массовая добыча ведется весной, когда рыба в огромных количествах заходит во фьорды и заливы. Большое количество костей сайды, по-видимому, свидетельствует о функционировании поселений в летний сезон, когда количество этой рыбы достигает максимума у побережья. В этом отношении очень показательны жилище 17 с поселения Калкилебукта. Здесь кости трески составляют всего 12%, в то время как сайды больше 60%. Также в данном комплексе более 20% составляют кости различных видов рыб, редких на остальных поселениях (менёк, камбала) [11, р. 86]. Значительная доля костей сайды присутствует среди остатков на поселениях Адвик (жилище f), Ниельв НВ (жилище 4, раковинная куча 11/9) и Береги (жилище 18), Ангснес (жилища 1, 4, 5). Это может указывать на функционирование поселений не только в зимне-весенний, но и в летний период (находки фауны на поселении Ангснес немногочисленны и происходят из шурфов, заложенных в нескольких жилищах [1, р. 211–213], поэтому эти подсчеты не включены в таблицу и в анализ фаунистических остатков, они используются в статье в качестве сравнительных материалов).

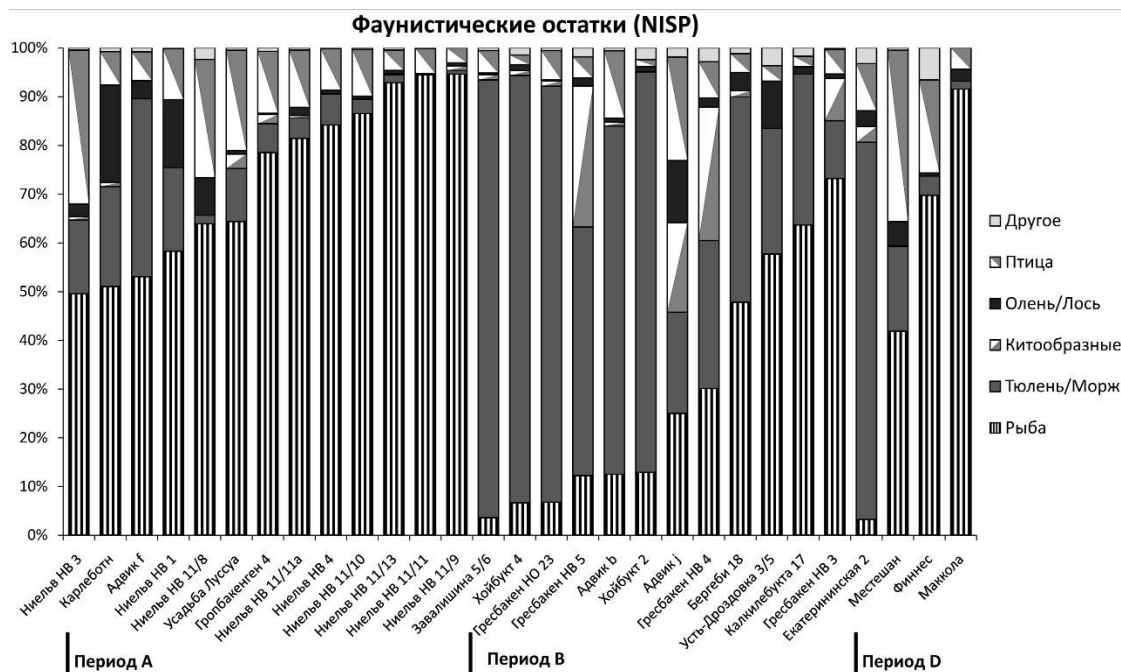

Рисунок 3 – Фаунистические остатки памятников неолита – раннего металла Северной Фенноскандии (по: [1, р. 138–221; 11, р. 50–88; 16, с. 380; 18; 25; 28; 29, р. 148–151])

На стоянках Местешан и Маккола кости сайды составляют 78%, а трески – только 16%, что позволяет предполагать, что поселения на о. Щельмой функционировали в летний период [29, р. 153]. Интересно присутствие на стоянке Финнес до 10% костей палтуса (*Hippoglossus hippoglossus*), добыча которого возможна в открытом море на больших глубинах. По-видимому, расположение стоянки на маленьком острове далеко от побережья и очень большая доля костей рыб объясняется его «специализацией» [28].

Несомненно, оценивая роль различных видов животных в диете человека, необходимо учитывать их массу тела и пищевую ценность, а не только количественное соотношение костей. Наибольшую долю в диете в эпоху раннего металла составляли морские млекопитающие (ластоногие и китообразные) [11, р. 177].

Подсчет количества костей удобен для представления различий между памятниками и периодами, что может отражать изменения в хозяйстве. На протяжении неолита – раннего железного века происходили существенные изменения состава добычи. В период А кости рыб доминируют и составляют 50–95%, в то время как доля костей морских млекопитающих редко превышает 25%. Кости китов и дельфинов представлены в очень небольшом количестве и не превышают 3% от всех костей животных. Только в одном комплексе – Карлеботн – сделано видовое определение костей китов (морская свинья). В период В количество костей рыб сокращается и составляет 7–73%, а доля костей тюленей и моржей существенно увеличивается – до 15–90%. Кости дельфинов и китов представлены в 9 из 12 комплексов; отмечается большое разнообразие видов китообразных. В основном их количество также не превышает 3% от количества всех костей всех животных. Однако в нескольких жилищах на поселениях Гресбакен НВ и Ангнес кости китообразных составляют от 18% до 30% (от 35% до 45% от остатков костей всех млекопитающих). Исследователи также отмечают, что расположение самих поселений напротив мелководья и небольшого острова, в узком месте залива очень удобно для охоты на китов [1, р. 212; 33].

Фаунистические остатки периода С представлены только в КОМ в недостаточном для статистических подсчетов количествах. Доминируют кости наземных млекопитающих, в небольшом количестве представлены кости птиц и тюленей, единичны кости рыб (полярной акулы) [20].

Данные по четырем памятникам периода D несомненно указывают на сохранение высокой роли морского промысла в раннем железном веке. Картина соотношения костей морских млекопитающих и рыб несколько противоречива. Очень маленькая доля рыбных костей на стоянке Екатерининская 2, по-видимому, объясняется методикой раскопок. Соотношение костей животных на раскопанной по современной методике стоянке Финнес в целом похоже на соотношение фауны в коллекциях памятников периодов А и В, хотя доля костей морских млекопитающих сравнительно невелика (5%). Небольшие по объему коллекции стоянок Местешан и Маккола демонстрируют сходное соотношение видов животных, где основную долю добычи составляют рыба и морские млекопитающие [5, р. 19–27; 16, с. 380; 28; 29, р. 148–153].

Выводы

Разнообразие и сложность конструкции промысловых орудий, а также состав фаунистических остатков

однозначно свидетельствуют о существовании на побережье Баренцева моря специализированного промысла, ориентированного на добычу морских ресурсов.

С одной стороны, наблюдается устойчивость форм орудий или их отдельных частей на протяжении длительного времени. Так, на протяжении всех периодов сохраняется разделение на крючки с бородкой и без бородки. Различие этих групп может объясняться разным функциональным назначением. Так, Н.Н. Гурина предполагала, что они применялись для ловли разных видов рыб [16, с. 383]. Но более правдоподобным кажется предположение Е.М. Колпакова о том, что крючки без бородки использовались для ловли рыбы «на поддев» без наживки [34].

С другой стороны, наблюдается постепенное изменение конструкции орудий. Для самых ранних крючков характерно разнообразие форм. Но с конца неолита форма поддева унифицируется: в период В все крючки с бородкой становятся U-образными, а в период С – прямоугольными. Претерпевает изменения и конструкция крепления крючков. В неолите – это небольшой выступ на головке, а в эпоху раннего металла и ранний железный век – желобок или отверстие. В период В появляются и широко распространяются составные крючки. Возможно, это указывает на появление нового способа рыбной ловли. Однако с окончанием фазы гресбакен данные орудия также исчезают.

Изменение формы и размеров насада зубчатых наконечников гарпунов, очевидно, указывает на изменения конструкции втулки и древка данных орудий, а также на изменение способа крепления линя. Важнейшее новшество – появление в конце эпохи неолита поворотных гарпунов. Интересно, что самые ранние из них найдены на поселении Гресбакен НВ – том же поселении, где среди фаунистических остатков обнаружено большое количество костей китообразных. Поворотные наконечники гарпунов являются более эффективными, чем зубчатые, особенно для ловли животных с толстым жировым слоем (таких как киты).

Сравнение фаунистического состава коллекций демонстрирует сходство всех памятников позднего каменного века и эпохи раннего металла, но показывает и постепенные изменения, которые происходили в хозяйстве. Охота и рыболовство были ориентированы на добычу одних и тех же животных. Соотношение основных промысловых видов рыб (треска, сайда, пикша) оставалось примерно одинаковым на протяжении всего рассматриваемого периода. Резкие изменения состава, наблюдаемые между отдельными памятниками, по-видимому, отражают разные сезоны вылова. Среди морских млекопитающих на всех памятниках доминирует гренландский тюлень. При этом хорошо заметно общее уменьшение доли рыбы по отношению к морским млекопитающим в конце каменного века, с момента начала фазы гресбакен. Одновременное появление большого количества костей китообразных указывает на возросшую специализацию морской охоты. Охота на китов и дельфинов требовала значительно больших усилий и лучшей технической оснащенности.

Судя по составу охотничьего инвентаря периодов С и D (1500 cal BC-BC/AD), где по-прежнему многочисленны наконечники гарпунов и рыболовные крючки, морской промысел в это время играл веду-

щую роль в хозяйстве населения. Это подтверждают и состав костей животных с островных памятников Екатерининский 2, Финнес и о. Щельмой, где доля костей сухопутных млекопитающих по сравнению с морскими животными и рыбой по-прежнему очень невелика.

Список литературы:

1. Renouf M.A.P. Prehistoric hunter-fishers of Varangerfjord, Northeastern Norway. 1989. 254 p.
2. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
3. Шумкин В.Я. Морской зверобойный промысел населения Северной Фенноскандии эпохи раннего металла как эмбриональный вид производящего хозяйства // Археология Арктики. Вып. 3 / отв. ред. Н.В. Федорова. Калининград: РОС-ДООАФК, 2016. С. 117–139.
4. Olsen B. Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo: Universitetsforlaget, 1994. 198 p.
5. Solberg O. Die Eisenzeitfunde aus Ostfinnmarken // Videnskab-Selskabets Skrifter. Hist.-Filos. Klasse № 7. Kristiania, 1909. 147 p.
6. Solberg O. Ein neuer eisenzeitlicher Fund aus Ostfinnmarken in Norwegen // Præhistorischen Zeitschrift III, 1911. P. 347–355.
7. Gjessing G. Yngre steinalder i Nord-Norge // Institutt for sammenlignende kulturforskning B XXXIX. Oslo, 1942. 525 p.
8. Simonsen P. Varanger-Funnene II. Fund og udgravninger på fjordens sydkyst // Tromsø Museum Skrif-ter, Vol. VII. Tromsø: Universitetsforlaget, 1961. 524 s.
9. Simonsen P. Varanger-Funnene III. Fund og udgravninger i Pasvikdalen og ved den østlige fjordstrand // Tromsø Museum Skrif-ter Vol. VII. Tromsø: Universitetsforlaget, 1963. 298 s.
10. Olsen H. Varanger-funnene IV. Osteologisk material. Innledning – fisk – fugl // Tromsø Museums Skrif-ter. Vol. VII. Tromsø: Universitetsforlaget, 1967. 190 s.
11. Hodgetts L. Animal bones and human society in the late Younger Stone Age of arctic Norway. Unpublished PhD dissertation. Durham: University of Durham, 1999. 401 p.
12. Niemi A.R., Oppvang J. Høyvikhaugen, Vadsø k. Sikringsundersøkelse og retting av skader på boplass fra eldre steinalder, og tuft og bosetningsspor fra yngre steinalder, 2014. Tromsø: Tromsø Museum – Universitetsmuseet, 2015. 162 p.
13. Niemi A.R., Oppvang J. Nyelv Nedre Vest. Utgravning av hustufter og boplass fra yngre steinalder // Tromsø Kulturhistorie nr. 46. Tromsø: Tromsø Museum – Universitetsmuseet, 2018. 123 p.
14. Шумкин В.Я. Каменная и костяная индустрии мезолита – раннего металла Кольского полуострова. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 227 с.
15. Гурина Н.Н. Рыболовство и морской промысел на Кольском полуострове // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 164–181.
16. Гурина Н.Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // Палеолит и неолит СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. № 39. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1953. С. 347–407.
17. Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. 240 с.
18. Kolpakov E.M., Shumkin V.Ya., Murashkin A.I. Early Metal Age Dwellings in Eastern Lapland: Investigations of the Kola Archaeological Expedition (IHMC) in 2004–2014 // New Sites, New Methods The Finnish Antiquarian Society, Iskos. 2016. Vol. 21. P. 167–176.
19. Murashkin A.I., Kolpakov E.M., Shumkin V.Ya., Khartanovich V.I., Moiseyev V.G. Kola Oleneostrovskiy Grave Field: A Unique Burial Site in the European Arctic // New Sites, New Methods The Finnish Antiquarian Society, Iskos. 2016. Vol. 21. P. 185–199.
20. Hood B., Melsæther S. Shellfish exploitation in Stone Age Arctic Norway: procurement patterns and household activities // Acta Borealia. 2016. Vol. 33:1. P. 1–29.
21. Gjessing G. Der Küstenwohnplatz in Skjåvika // Acta Archaeologica. 1938. Vol. IX, № 3, P. 177–204.
22. Helskog E. The Iversfjord Locality. A Study of Behavioural Patterning during the Late Stone Age of Finnmark, North Norway // Tromsø Museums Skrifter, Vol. XIX. Tromsø: Tromsø Museum, Universitetet i Tromsø, 1983. 162 p.
23. Schanche K. Nye funn fra yngre steinalder i Varanger // Viking. 1989. Vol. 52. P. 53–71.
24. Schanche K. Gressbakkentuftene i Varanger. Boliger og sosial struktur rundt 2000 f. Kr. Unpublished doctoral thesis. Tromsø: University of Tromsø, 1994. 271 p.
25. Helskog K., Hood B., Shumkin V.J. Dwelling Forms and Settlement Patterns on Russia's Kola Peninsula Coast, 2200–1500 cal. BC, 2015. Unpublished manuscript.
26. Olsen B. Kjelmøyfunnenes (virknings) historie og arkeologi // Viking. 1991. Vol. 54. P. 65–88.
27. Wickler S. The Centrality of Small Islands in Arctic Norway from the Viking Age to Recent Historic Period // The Journal of Island and Coastal Archaeology. 2016. Vol. 11:2. P. 171–194.
28. Wickler S. Finnes, Ingøya bein, 2012. Unpublished manuscript. 7 p.
29. Olsen B. Stabilitet og endring. Produksjon og samfunn i Varanger 800 f.kr-1700 e.kr. Upublisert mastergradsavhandling i arkeologi. Tromsø, 1984. 284 p.
30. Мурашкин А.И., Киселева А.М. Динамика развития костяного инвентаря Северной Фенноскандии (неолит – эпоха раннего металла) // Археология Арктики. Вып. 5 / отв. ред. Н.В. Федорова. Салехард: Научный центр изучения Арктики, 2018. С. 107–119.
31. Sundquist Ø. Traces of iron in prehistoric Finnmark // Fennoscandia Archaeologica XVI. 1999. P. 47–57.
32. Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции: материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Л.: Издательство академии наук, 1930. С. 119–169.
33. Hodgetts L. Subsistence Diversity in the Younger Stone Age Landscape of Varangerfjord, Northern Norway // Antiquity. 2010. Vol. 84. P. 41–54.
34. Колпаков Е.М. Морская охота в археологии Северной Фенноскандии // Археология Арктики. Вып. 5 / отв. ред. Н.В. Федорова. Салехард: Научный центр изучения Арктики, 2018. С. 63–74.

Статья публикуется при поддержке гранта ОГОН РФФИ (17–31–01070) «Костяной и роговой инвентарь позднего неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии: динамика развития».

**MARINE HUNTING AND FISHING ON THE COAST
OF NORTH FENNOSCANDIA BEFORE CHRIST**

© 2019

Kiseleva Alevtina Mikhailovna, master student of Archaeology Department
Murashkin Anton Igorevich, senior lecturer of Archaeology Department
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Abstract. Archaeological evidence for marine hunting and fishing at the coast of the Barents Sea dates from 5000 cal BC to 0 cal BC/AD, encompassing the Neolithic, the Early Metal Period and the Early Iron Age. Among hunting and fishing equipment are bone and antler harpoon heads, fishhooks and leisters. Four periods of development of the tools were established on the basis of stable occurrence of the artefacts types in complexes (semi-subterranean houses, shell middens, burials). The chronological boundaries of the periods were defined by the radio-carbon dates of this complexes: A – 5000–2500 cal BC, B – 2500–1600 cal BC, C – 1500–1100 cal BC, D – 900 cal BC – 0 cal BC/AD. The primary marine taxa exploited were pinnipeds and cetacean. The marine hunting was supplemented by catching Atlantic Cod and codfishes. Percentage ratio of animal bones from dated complexes indicates that the role of the seal and whale hunting had increased considerably since about 2500 cal BC. This coincides with the appearance of toggling harpoons in hunting equipment. The exploitation of aquatic resources in the Early Iron Age (after 900 cal BC) remained important in the subsistence economy. The transition to a primary exploitation of terrestrial resources at coastal locations is not observed.

Keywords: Northern Fennoscandia; Kola Peninsula; Northern Norway; Neolithic; Early Metal Age; Early Iron Age; periodization; chronology; marine hunting; fishing; bone inventory; fishhooks; harpoon heads; leisters; osteological analysis; hunting game Pinnipeds; Cetacean; Fish.

УДК 902.01

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12213

Статья поступила в редакцию 04.02.2019

**НОВОИЛЬИНСКАЯ ПОСТНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
В СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ**

© 2019

Лычагина Евгения Леонидовна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории, археологии
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация)
Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой отечественной истории и археологии
Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)
Жукова Ольга Владимировна, хранитель
Пермский краевой краеведческий музей (г. Пермь, Российская Федерация)

Аннотация. В статье анализируются материалы памятников новоильинской культуры Среднего и Верхнего Прикамья. Прослеживается история изучения вопроса, определяется степень изученности вопроса. Выделяются основные источники по теме, определяется их доброкачественность. Фиксируется местоположение стоянок и характерные параметры жилищ. Констатируется их сходство с неолитом. Приводится описание керамического и каменного инвентаря. Выделяются характерные и особенные признаки. Проводится сравнительный анализ комплексов с материалами позднего неолита, выявляется определенная схожесть. Рассматривается вопрос о наличии остатков металлообработки на памятниках новоильинской культуры. Делается вывод об отсутствии доказательств энеолитического характера стоянок новоильинского типа. Анализируется банк данных по радиоуглеродной хронологии новоильинских комплексов. Выделяются наиболее валидные значения. Определяется их хронологический интервал существования: 5200–4500 лет ВР. Затрагивается вопрос о генезисе новоильинской культуры Среднего Прикамья. Констатируется не только близость с культурой местного неолита, но и предполагается роль культур сопредельных территорий. Приводится сравнительный анализ с материалами красномостовского типа лесного Среднего Поволжья. Делается вывод об их хронологическом соотношении. Авторы приходят к выводу о постнеолитическом возрасте новоильинской культуры. Новоильинская культура входит в круг культур лесного Среднего и Верхнего Поволжья.

Ключевые слова: новоильинская культура; Среднее Прикамье; Верхнее Прикамье; памятники; жилища; керамика; гребенчатый штамп; каменный инвентарь; металлообработка; технико-технологический анализ керамики; радиоуглеродные даты; хронология; лесное Среднее Поволжье; красномостовский тип; постнеолит.

Изучение археологических культур лесной зоны Волго-Камья сопряжено с определенными трудностями, вызванными рядом обстоятельств. Во-первых, отсутствуют стратифицированные памятники, что не способствует определению объективной периодизации. Поэтому новоильинскую культуру одни исследователи помещали между гаринскими и борскими комплексами, а другие на более раннюю позицию. Во-вторых, на подавляющем большинстве памятников новоильинской культуры присутствуют артефак-